DOI: 10.22394/2070-8378-2019-21-1-32-37

Конституция и легитимация власти

СЕРГЕЙ МИХАЙЛОВИЧ ШАХРАЙ, **заслуженный юрист России, доктор юридических наук, профессор, декан Высшей школы (факультета) государственного аудита**
Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова (119992, Российская Федерация, Москва, Ленинские горы, 1/13). E-mail: info@audit.msu.ru;
руководитель Центра правового обеспечения социально-политических процессов
Институт социально-политических исследований Российской академии наук (119333, Российская Федерация, Москва, ул. Фотиевой, 6/1). E-mail: isprras@gmail.com

Аннотация: В статье рассматривается проблема легитимации власти и эффективности конституции, совершенствования системы государственного управления. Прослежена история создания Конституции 1993 года, проанализирована модель «двойной» легитимации власти на фоне современных политико-правовых реалий. Имеющийся опыт показывает, что юридическая фиксация результатов общественного творчества и новых политических традиций возможна без вмешательства в базовый текст действующей конституции и, соответственно, без создания рисков для конституционной стабильности. Так, сохраняются большие возможности для совершенствования избирательного законодательства. Существует множество примеров, когда избирательное законодательство было актуализировано без вмешательства в текст конституции. При этом в Основном законе сохраняется еще более широкий спектр возможностей для «тонкой настройки» в соответствии с новыми реалиями. Действующая Конституция Российской Федерации не содержит правовых препятствий для совершенствования системы государственного управления. Вопрос об альтернативах действующей конституции целесообразно поднимать лишь тогда, когда факты убедительно свидетельствуют о наступлении конституционного кризиса. Если и стоит говорить об альтернативах Конституции 1993 года, то необходимо смотреть не в прошлое, а в будущее. Уже сегодня важно приступить к работе над проектом цифровой конституции. При этом необходимо подчеркнуть, что речь идет не о «переводе в цифру» актуального конституционного права, а о революционном акте, который должен стать основой и источником для правового регулирования новой цифровой реальности и легитимации становящегося на наших глазах нового социального порядка. Статья написана на основе выступления автора на Гайдаровском форуме 16 января 2019 года.
Ключевые слова: Конституция Российской Федерации, легитимация власти, модель «двойной легитимации», эффективность конституции, конституционная стабильность, совершенствование системы государственного управления, цифровые технологии

Статья поступила в редакцию 13 февраля 2019 года.

Шахрай С.М. Конституция и легитимация власти. *Государственная служба*. 2019. № 1. С. 32-37.

CONSTITUTION AND LEGITIMATION OF POWER

SERGEY M. SHAHRAY, **Dr. Sci. (Law), Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Dean of the Higher School of State Audit**
Lomonosov Moscow State University (1/13, Leninskie gory, Moscow, Russian Federation, 119992). E-mail: info@audit.msu.ru;
Head of the Center for Legal Support of Socio-Political Processes
Institute of Socio-Political Studies, Russian Academy of Sciences (6/1, ul. Fotievoi, Moscow, Russian Federation, 119333). E-mail: isprras@gmail.com

Abstract: The article deals with the problem of legitimization of power and efficiency of the Constitution, improvement of the system of public administration. The history of the creation of the Constitution of 1993 is traced; the model of the 'dual' legitimation of power is analyzed against the background of modern political and legal realities. The experience shows that the legal fixation of the results of social creativity and new political traditions is possible without interfering with the basic text of the current constitution and, accordingly, without creating risks for constitutional stability. Thus, great opportunities remain for improving the electoral legislation. There are many examples when the electoral legislation was updated without interfering with the text of the constitution. At the same time, the Basic Law retains an even wider range of possibilities for 'fine tuning' in accordance with new realities. The current Constitution of the Russian Federation does not contain legal obstacles to the improvement of the public administration system. It is advisable to raise the question of alternatives to the current constitution only when the facts convincingly indicate the onset of a constitutional crisis. If it is worth talking about alternatives to the 1993 Constitution, then it is necessary to look not into the past, but into the future. Today it is important to start working on a draft digital constitution. At the same time, it is necessary to emphasize that this is not about "digitizing" the actual constitutional law, but about a revolutionary act, which should become the basis and source for legal regulation of the new digital reality and legitimization of the new social order that is emerging before our eyes.
Keywords: The Constitution of the Russian Federation, the legitimation of power, the model of 'double legitimation', the effectiveness of the constitution, constitutional stability, improvement of public administration, digital technologies

The article was received on February 13, 2019.

Shahray, S.M., Constitution and legitimation of power. *Gosudarstvennaya sluzhba*. 2019. № 1. P. 32-37. In Russian

Введение

В последнее время может возникнуть иллюзия, что в отечественном аналитическом правоведении появляется запрос на обсуждение вариантов альтернативной конституционной истории. Между тем уместность такого методологического подхода, как нам представляется, вызывает большие сомнения. Обсуждение альтернатив имеет смысл, если решение еще не принято; однако действующая Конституция Российской Федерации не только принята, но и работает уже более двух с половиной десятков лет.

Общеизвестно, что на момент разработки нового Основного закона нашей страны существовали многочисленные альтернативные проекты. Много работ было посвящено иным, отличным от конституционно установленных моделей, концепциям устройства нашего государства [Бабурин, Костенко, 1991. С. 19–31; Тиунова, 1992. С. 125–300; Андриченко, Ильинский, Крылов, Михалева и др., 1994. С. 35–120; Цабрия, 1990. С. 55–240], федерализма [Абдулатипов, Болтенкова, 1994. С. 150–230; Муксинов, 1989. С. 5–13; Хачатрян, 1990. С. 15–20; Ледях, 1992. С. 145–149; Железнов, 1993. С. 59–61; Бабурин, 1999. С. 9–12], экономики [Буздаева, Городецкий, Кадыков, Качура и др., 1991. С. 10–35; Ивашковский, 1991. С. 25–50; Крылов, 1994. С. 6–33] и другим стратегиям перехода от социализма к новому общественному порядку [Нерсесянц, 2004. С. 360–362; Нерсесянц, 2001. С. 15–33]. Все существенные предложения получили в свое время взвешенную политико-правовую оценку и прошли всестороннюю экспертную проверку. Но, как известно, в качестве основы для проекта, который был вынесен на конституционное совещание, а затем и на всенародное голосование, был избран другой текст – тот, который в итоге стал Конституцией 1993 года. Именно поэтому, на наш взгляд, обсуждение вариантов («как могла бы пойти история Российской Федерации, если бы…») имеет скорее художественный, чем научный и практический смысл.

Эффективность конституции и проблема стабильности

Правомерен вопрос: для чего нужно заглядывать в прошлое в поисках альтернатив? Неужели дело лишь в том, чтобы найти аргументы в поддержку идеи о целесообразности «актуализировать действующую Конституцию»[1]? Обосновать возникшие сомнения в эффективности конституции на фоне современных политико-правовых реалий?

Как представляется, постановка вопроса об оценке эффективности конституционных норм является неточной, поскольку для их реализации нужны соответствующие правовые механизмы. Если какие-либо положения конституции не воплощены в законах, либо предусмотренные ею институты работают не в полную силу, то вопросы следует адресовать к законодателям и органам власти, а не обращаться к тексту Основного закона.

Важно напомнить, что есть эффективность конституции с точки зрения науки. С позиций современного государствоведения, эффективность конституции – это способность менять социальную действительность согласно заложенному в ней плану [Fallon, 2005. P. 1813–1853], планомерно развиваться в заданном направлении, даже если в стране нет политического консенсуса, а институты государства недостаточно сильны.

Как известно, в Конституции 1993 года содержится описание «действующей модели» общества и государства, изложены российские конституционные ценности, а также представления о желаемом будущем и целях общественного развития. Конституция – это не что иное, как отлитая в юридическую форму культурно-историческая матрица конкретного общества. По общему правилу, Основной закон – это правовая квинтэссенция уникального социума, отражающая его идеологические предпочтения и ценности, баланс интересов политических сил, предпочтительные принципы властвования, формы политических институтов, особенности экономического устройства и другие специфические характеристики. Как неоднократно указывалось, России не нужно «изобретать» национальную идею и потом «записывать» ее в Основной закон, поскольку она с самого начала была детально изложена в конституции. И тот факт, что Конституция Российской Федерации стабильно работает уже четверть века, свидетельствует об ее эффективности.

Возможно, обращение конституционалистов к теме об исторических альтернативах на деле означает другое? Может быть, возникла общественная потребность в каком-то ином государственном устройстве, в других моделях верховной власти, федерализма, экономики и социального порядка в целом? Действующая конституция мешает оформиться этим «новым реальностям»?

Ответ на эти вопросы могут дать специалисты по общественным наукам. Но в любом случае, предметом обсуждения должны быть не степень эффективности тех или иных конституционных норм, а новая модель устройства государства и общества и доказательная база, свидетельствующая о востребованности перемен. На передний план должно выйти обсуждение контуров нового желаемого будущего. И если будет доказано, что в условиях нынешнего социального порядка возникла необходимость перемен, то тогда нужно будет принимать решение, как этот запрос легитимировать (на базе чего и с помощью какой процедуры).

Далее изложим наше видение рассматриваемых проблем. Любая конституция – это, образно говоря,

1 Володин предложил оценить актуальность российской Конституции. РИА-Новости. 25 декабря 2018 года.

«обоюдоострое оружие». Она может не только создавать и обеспечивать легитимность власти, но и, в случае неграмотного (небрежного) отношения с собой, «похоронить» и легитимность власти, и саму власть.

Иллюстрацией к этому тезису могут служить известные события 1992–1993 годов, когда в течение полутора лет в Конституцию РСФСР было внесено более 400 поправок. Основной закон превратился в «лоскутное одеяло», в котором одни нормы противоречили другим. Политические противники одинаково убедительно могли обосновать прямо противоположные позиции, апеллируя к одной и той же конституции. Основной закон, поврежденный неумелым обращением со стороны власти, стал генератором негативных изменений в политической реальности. В результате рухнула сама власть, потерявшая легитимность в глазах общества, наступило двоевластие, а затем политический хаос с эпизодом гражданской войны.

Возможно, эта позиция выглядит радикальной, но, на наш взгляд, если действует ответственность за надругательство над государственным гербом и флагом, если обсуждается введение уголовного наказания за неуважение к власти, высказанное в социальных сетях, то следует вводить статью за неуважение к конституции (в первую очередь, высказанное в комментариях официальных лиц). Неуважительное отношение к Основному закону является более опасным для государства, общества и власти, чем шутки подростков в интернете.

Вопрос об альтернативах действующей конституции целесообразно поднимать лишь тогда, когда факты убедительно свидетельствуют о наступлении конституционного кризиса (когда степень фиктивности юридической конституции стала настолько высокой, что разрыв между текстом и реальностью невозможно устранить с помощью самой конституции).

Конституция 1993 года и современные политико-правовые реалии

Как известно, Конституция 1993 года была второй в российской истории масштабной попыткой создания новой государственности и нового социального порядка[2], приведения власти и общества в новое качество. Из хаоса и разрухи начала 1990-х годов была собрана новая модель государства, новые институты, которые были «погружены» в социальную реальность, совмещены с обществом. При этом необходимо учитывать, что в описываемый период юридическая Конституция 1993 года была более чем реальной. На протяжении всего этапа становления новой российской государственности юридическая конституция творила конституцию материальную. Однако, как показывает российская история, в противовес тому, что установлено в конституционных нормах, наше общество начинает создавать параллельные, почти зеркальные, институты фактического (реального) осуществления власти. Так, в России есть Государственная Дума Федерального Собрания и Общественная палата, Совет Федерации Федерального Собрания и Государственный совет, Правительство и Администрация Президента… На одной стороне – юридически оформленная власть и полномочия, на другой – авторитет и отсутствие формально-юридических полномочий.

Неудивительно, что в общественном сознании складывается впечатление некой двойственности и ирреальности происходящего и возникает желание что-то исправить. Но поскольку неясно, каким образом можно «поправить действительность», то появляется стремление «поправить» Конституцию. Для того, чтобы вынести вердикт о «политической смерти» юридической конституции, нужно иметь достоверные факты, подтверждающие, что ее дальнейшее существование «несовместимо с жизнью». Между тем реальные данные свидетельствуют о том, что расхождение между юридической и фактической конституцией вовсе не велико и тем более еще не перешло в «терминальную стадию».

Как известно, чтобы найти правильное лечение, нужно поставить верный диагноз. С нашей точки зрения, диагноз заключается в том, что на деле происходит не конституционный кризис, а кризис легитимности власти. Именно Основной закон дает необходимые рецепты и механизмы для того, чтобы исправить возникшие аберрации, восстановить легитимность власти и дать дополнительные стимулы для политического творчества.

Речь, прежде всего, идет о таких инструментах, как принятие ряда новых федеральных конституционных законов (об Администрации Президента Российской Федерации, о Федеральном Собрании Российской Федерации), а также о внесении поправок в ранее принятые федеральные конституционные законы (о Правительстве Российской Федерации, судебной системе, Конституционном суде Российской Федерации) с целью уточнения или «точечного» перераспределения полномочий органов государственной власти, что поможет более тонкой настройке баланса в системе власти и легитимации этих новелл.

Не менее эффективным инструментом являются решения Конституционного суда Российской Федерации о толковании норм Основного закона, которые де-факто носят характер конституционных поправок. В случае возникающих конфликтных ситуаций в сфере распределения полномочий соответствующие властные субъекты могли бы обратиться в суд либо с запросом о таком толковании, либо по спору о компетенции. Данные конституционные

2 Первая попытка – это большевистская Конституция РСФСР 1918 года.

возможности – самый очевидный и эффективный путь выхода из кризиса власти.

Есть ли целесообразность в созыве нового Учредительного собрания для обсуждения конституционных альтернатив? Несмотря на то, что его «призрак бродит» по России уже больше ста лет, ответ на этот вопрос, по нашему мнению, должен быть отрицательным.

Такой подход был бы верен во времена Февральской революции и в начале 1990-х годов. С формальной точки зрения, механизм «учредиловки» (по терминологии большевиков) выглядит довольно демократично и прагматично. Однако по факту уровень легитимности новой конституции, а значит – и созданной на ее основе новой власти, всегда будет недостаточно высок.

Несмотря на многочисленные обсуждения возможности использования механизма Учредительного собрания, Россия в 1993 году не пошла по этому пути. Когда формировалось Конституционное совещание для доработки проекта конституции, оно конструировалось именно как структура представительная, хотя и с «совещательными» полномочиями. Его пять палат были сформированы по региональному, производственному, политическому, социально-общественному и другим критериям. В публичном пространстве начала 1990-х Конституционное совещание не позиционировалось в качестве «прообраза» Учредительного собрания. Однако в рамках закрытого политического дискурса не исключалось, что при определенном развитии событий оно могло бы быть провозглашено учредительным. Обстоятельства сложились так, что был выбран механизм всенародного голосования о проекте конституции, в котором были изложены основы новой власти и государства.

Таким образом, современная российская власть учла опыт революции 1917 года, но при этом использовала оба механизма (учредительный и конституционный) для преодоления разрыва между преемственностью и легитимацией власти. В результате на базе принятой всенародным голосованием конституции был избран новый парламент – высший представительный и законодательный орган, а затем и все другие органы государственной власти. Именно такой подход позволил придать максимальную легитимность новой власти и новому государственному строю.

Модель «двойной» легитимации власти

В начале 1990-х годов политические оппоненты действующего главы государства настаивали на том, что новая конституция была принята «неправильно». В результате, критики со всех флангов делали вывод о нелегитимности президентской власти и новой российской государственности в целом. Хотя эти позиции не соответствовали действительности ни по факту, ни с точки зрения правовой доктрины, для того чтобы снизить общий уровень конфликтности, требовались дополнительные политико-правовые аргументы. В результате нами была введена в оборот конструкция так называемой «двойной», или «длящейся», легитимации власти.

Первый этап легитимации – всенародное голосование и принятие конституции, второй – добровольное участие политических оппонентов в общенациональных выборах парламента и президента. Из этих двух шагов следует очевидный вывод: «если вы лично и ваша партия согласились принять участие в выборах по этой конституции, по установленным ею правилам, то значит, вы своими практическими действиями де-факто и де-юре признали новый Основной закон и установленный им порядок». Таким образом, современная российская власть получила легитимность путем использования механизма всенародного голосования по новой конституции и неоднократного проведения на этой основе последующих общенациональных выборов для формирования федеральных органов власти.

В качестве еще одного примера практического использования модели «двойной легитимации» можно привести известную историю с возвращением Татарстана в конституционное поле России[3]. Имеющийся опыт показывает, что юридическая фиксация результатов общественного творчества и новых политических традиций возможна без вмешательства в базовый текст действующей конституции и, соответственно, без создания рисков для конституционной стабильности. Так, сохраняются большие возможности для совершенствования избирательного законодательства. Существует множество примеров, когда избирательное законодательство было актуализировано без вмешательства в текст конституции. При этом в Основном законе сохраняется еще более широкий спектр возможностей для «тонкой настройки» в соответствии с новыми реалиями. Например, на уровне местного самоуправления в мультинациональных регионах можно использовать такой механизм, как пропорциональное представительство граждан разных национальностей. Могут быть ситуации, когда эффективным окажется принцип представительства от профессиональных сообществ, либо когда на уровне местного самоуправления будут вправе голосовать только добросовестные налогоплательщики.

Многократно было показано, что действующая Конституция Российской Федерации не содержит правовых препятствий для совершенствования си-

3 «Договор Российской Федерации и Республики Татарстан о разграничении предметов ведения и взаимном делегировании полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти Республики Татарстан» (подписан в Москве 15 февраля 1994 года). *Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ.* 1994. № 6.

стемы государственного управления. Например, не существует конституционных барьеров для реализации модели правительства парламентского большинства, которая абсолютно не противоречит заложенным в действующей Конституции принципам президентско-парламентской республики, поскольку федеральное правительство изначально несет двойную ответственность: перед президентом и перед парламентом. Если подобная идея окажется политически востребованной, то будет достаточно внести необходимые изменения в Регламенты обеих палат и Федеральный конституционный закон «О Правительстве Российской Федерации» [Шахрай, 2013. С. 421–434]. Кстати, 16 мая 2003 года о такой возможности говорил Президент Российской Федерации В.В. Путин в своем Послании к Федеральному Собранию: «…Я уже говорил, что поддерживаю общий курс на усиление роли партий в общественной жизни. И с учетом итогов предстоящих выборов в Государственную Думу считаю возможным сформировать профессиональное, эффективное правительство, опирающееся на парламентское большинство»[4]. Как представляется, такой сценарий мог бы быть использован для эффективного решения так называемой «проблемы 2024 года».

Проект цифровой конституции

Впервые в конституционной истории России содержание Основного закона не ограничивается только текстом самой конституции, а включает, как минимум, семь основных элементов, в том числе федеральные конституционные законы и решения Конституционного суда Российской Федерации о толковании. Эти акты являются составными элементами действующей Конституции, а потому их нужно издавать и рассматривать вместе с текстом Основного закона. Это позволит увидеть, каким образом в Российской Федерации поддерживается баланс стабильности и новизны в конституционном законодательстве, как происходит настройка и актуализация действующей правовой базы в соответствии с новыми вызовами и реалиями при сохранении неизменности конституционных принципов.

Вполне логично реализовать такой подход на основе современных интернет-технологий, как это предлагает академик Т.Я. Хабриева. Речь идет о создании своего рода цифровой версии «актуальной Конституции» на основе подходов постоянно пополняющейся «базы знаний» [Хабриева, Черногор, 2018. С. 99–100].

Если и стоит говорить об альтернативах Конституции 1993 года, то необходимо смотреть не в прошлое, а в будущее. Уже сегодня важно приступить к работе над проектом цифровой конституции. При этом необходимо подчеркнуть, что речь идет не о «переводе в цифру» актуального конституционного права, а о революционном акте, который должен стать основой и источником для правового регулирования новой цифровой реальности и легитимации становящегося на наших глазах нового социального порядка [Шахрай, 2018. С. 1075–1082].

То, что социальный порядок в цифровом обществе будет действительно новым, очевидно уже сегодня. Цифровые технологии уже меняют соотношение между представительной и прямой демократией, а в недалеком будущем могут радикально изменить механизм осуществления государственной власти, работу президента, парламента, судебной системы, местного самоуправления. Все это должно быть отражено в новой цифровой конституции, для принятия которой, возможно, как раз и потребуется виртуально созвать «цифровое учредительное собрание».

Заключение

Таким образом, какие бы варианты реальной или альтернативной конституционной правовой эволюции ни выдвигались на передний план, необходимо учитывать, что российская история и политическая практика многократно демонстрировали точность в применении к российским реалиям простой формулы: альтернативой конституции в нашей стране всегда является революция. Потому, берясь за «улучшение» действующего Основного закона, нужно помнить про «бритву Оккама» и не умножать сущности сверх необходимого. В нашем случае это означает, что «неидеальная конституция всегда лучше, чем идеальная революция».

4 Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации от 16 мая 2003 года «Послание Президента России Владимира Путина Федеральному Собранию РФ». *Российская газета*. 2003. 17 мая. № 93.

Литература

Абдулатипов Р.Г., Болтенкова Л.Ф. Опыты федерализма. М.: «Республика», 1994.

Андриченко Л.В., Ильинский И.П., Крылов Б.С., Михалева Н.А. и др. Проблемы суверенитета в Российской Федерации. М.: «Республика», 1994.

Бабурин С.Н. Конституция России: 5 лет по пути к федерализму и местному самоуправлению. *Тезисы выступлений участников круглого стола: «5 лет Конституции Российской Федерации: по пути к федерализму и местному самоуправлению».* М.: «Городец», 1999. С. 8–13.

Бабурин С.Н., Костенко В.И. Политико-правовой анализ проекта Конституции (Основного закона) Российской Федерации. Гуманитарный аспект. *Конституционный вестник.* 1991. № 8. С. 19–31.

Буздаева А.И., Городецкий А.Е., Кадыков М.В., Качура П.Л. и др.

Методы разгосударствления собственности и перехода к многосекторной экономике. Ч. 1. М., 1991.

Железнов Б.Л. Система права республики Татарстан и российский федерализм. *Международная научно-практическая конференция «Федерализм – глобальные и российские измерения»*. Казань, 1993. С. 58–62.

Ивашковский С.Н. Собственность в СССР: какой ей быть? М.: «Знание», 1991.

Крылов А.А. Социально-экономические проблемы и противоречия разгосударствления и приватизация. М.: НИиРИО Моск. ин-та МВД России, 1994.

Ледях И.А. Федерализм и демократия. На форуме юристов. *Государство и право.* 1992. № 4. С. 142–149.

Муксинов И.Ш. Советский федерализм и комплексное экономическое и социальное развитие союзной республики. *Советское государство и право*. 1989. № 10. С. 3–13.

Нерсесянц В.С. Национальная идея России во всемирно-историческом прогрессе равенства, свободы и справедливости. Манифест о цивилизме. М.: «Норма», 2001.

Нерсесянц В.С. Общая теория права и государства. М.: «Норма», 2004.

Тиунова Л.Б. Право. Конституция. Правовое государство. (К концепции демократического конституционализма правового государства). Дисс. ... докт. юрид. наук: 12.00.01. СПб., 1992.

Хабриева Т.Я., Черногор Н.Н. Право в условиях цифровой реальности. *Журнал российского права.* 2018. № 1. С. 99–100.

Хачатрян Г.М. Социалистический федерализм как форма и принцип государственного единства народов. *Советское государство и право*. 1990. № 2. С. 13–20.

Цабрия Д.Д. Система управления: к новому облику (государственно-правовые аспекты). М.: «Юрид. лит.», 1990.

Шахрай С.М. О Конституции: Основной Закон как инструмент правовых и социально-политических преобразований. М.: «Наука», 2013.

Шахрай С.М. Цифровая Конституция. Основные права и свободы личности в тотально информационном обществе. *Вестник Российской академии наук.* 2018. № 12. С. 1075–1082.

Fallon R.H. (Jr.) Legitimacy and the Constitution. In: *Harvard Law Review.* 2005. Vol. 118. № 6. P. 1787–1853. In English

References

Abdulatipov, R.G., Boltenkova, L.F., Experiences of federalism. M.: «Respublika», 1994. 318 p. In Russian

Andrichenko, L.V., Ilinskii I. P., Krylov B.S. Mikhaleva N.A., and others., Problems of sovereignty in the Russian Federation. M.: 'Respublika', 1994. 175 p. In Russian

Baburin, S.N., Russian Constitution: 5 years on the road to federalism and local self-government. Abstracts of the round table participants' speeches: '5 years of the Constitution of the Russian Federation: on the way to federalism and local self-government'. M.: 'Gorodets', 1999. P. 8–13. In Russian

Baburin, S.N., Kostenko, V.I., Political and legal analysis of the draft Constitution (Fundamental Law) of the Russian Federation. Human dimension. *Konstitutsionnyi vestnik*. 1991. № 8. P. 19–31. In Russian

Buzdaeva, A.I., Gorodetskii, A.E., Kadykov, M.V., Kachura, P.L. and others., Methods of denationalization and the transition to a multi-sectoral economy. Part 1. M., 1991. 40 p. In Russian

Fallon, R. H. (Jr.), Legitimacy and the Constitution. *Harvard Law Review*. 2005. Vol. 118. № 6. P. 1787–1853. In English

Ivashkovskii, S. N., Property in the USSR: what should it be? M.: 'Znanie', 1991. 63 p. In Russian

Habrieva, T.Y., Chernogor, N.N., Law in the digital reality. *Zhurnal rossiiskogo prava.* 2018. № 1. P. 99–100. In Russian

Hachatryan, G.M., Socialist federalism as a form and principle of state unity of peoples. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo*. 1990. № 2. P. 13–20. In Russian

Krylov, A A., Socio-economic problems and contradictions of denationalization and privatization. M.: NIiRIO Mosk. in-ta MVD Rossii, 1994. 34 p. In Russian

Ledyakh, I.A., Federalism and democracy. At the forum of lawyers. *Gosudarstvo i pravo*. 1992. № 4. P. 142–149. In Russian

Muksinov, I. S., Soviet federalism and complex economic and social development of the Union Republic. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo*. 1989. № 10. P. 3–13. In Russian

Nersesyants, V.S., General theory of Law and State. M.: 'Norma', 2004. 832 p. In Russian

Nersesyants, V.S., The national idea of Russia in the world historical progress of equality, freedom and justice. The manifesto of civilism. M.: 'Norma', 2001. 33 p. In Russian

Shakhrai, S.M., Digital Constitution. Fundamental rights and freedoms of an individual in a totally informational society. *Vestnik Rossiiskoi akademii nauk*. 2018. № 12. P. 1075–1082. In Russian

Shakhrai, S. M., On the Constitution: Basic Law as an instrument of legal and socio-political transformations. M.: 'Nauka', 2013. 919 p. In Russian

Tiunova, L. B., Law. Constitution. Constitutional state. (On the concept of democratic constitutionalism of the rule of law). Dissertation of Dr. Sci. (Law): 12.00.01. St. Petersburg, 1992. 343 p. In Russian

Tsabriya, D.D., Management system: to a new look (state and legal aspects). M.: 'Yurid. lit.', 1990. 272 p. In Russian

Zheleznov, B.L., The system of law of the Republic of Tatarstan and Russian federalism. International scientific-practical conference 'Federalism – global and Russian dimensions'. Kazan', 1993. P. 58–62. In Russian